

УДК 94(571).54

ББК 63.3(2Р54)

*Л.В. КУРАС***БУРЯТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ 1917 ГОДА
В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ***

В статье рассмотрена бурятская национальная автономия через призму истории монгольского мира начала XX в. и панмонголизма, которые являются характерным примером транснациональной истории.

Ключевые слова: бурятская национальная автономия, монгольский мир, Синьхайская революция, панмонголизм, монгольская государственность, Бурнацком-Бурнардума, транснациональная история.

*L. V. KURAS***BURYAT NATIONAL AUTONOMY 1917
IN TRANSNATIONAL HISTORY**

The article examines the Buryat national autonomy in the light of the history of Mongolian world in the beginning of XX c. and pan-mongolism. Both represent specific examples of transnational history

Keywords: Buryat national autonomy, Mongolian world, the Xinhai revolution, pan-mongolism, Mongolian state organization, Burnatcom-Burnatduma (Buryat National Committee — Buryat National Duma), transnational history.

Транснациональная история — это принципиально новое направление в изучении истории, которое возникло в конце XX в. В центре внимания этого направления — изучение закономерностей, общих для всех национальных культур, а также взаимосвязей, конфликтов, войн, революций, которые невозможно объяснить как результат действий отдельного государства. Поэтому именно транснациональная история позволяет по-новому рассмотреть феномен революции и бурятскую национальную автономию 1917 г. как ее детище.

Этнонациональный вопрос является основополагающим многих революций начала XX в. [12]. Поэтому проблемы самоопределения и положения этносов неоднократно обсуждались политическими лидерами в условиях революционного кризиса. Так, на I конференции российских национальных социалистических партий в 1907 г. присутствовали 15 национальных партий — от Бурятии и Якутии до Закавказья и Белоруссии [22], где обсуждались проблемы прав меньшинства и различные формы самоуправления.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Монгольский мир в условиях взаимодействия России и Восточной Азии в XX–XXI вв.». Проект №15-21-03006.

Февральская революция 1917 г. стала мощным стимулом национального движения и внесла существенные коррективы в постановку национального вопроса, когда наметилась тенденция к решению национального вопроса на основе национально-территориальной автономии [13]. Эти тенденции, различные подходы и теоретические взгляды как на исторические аспекты, так и на проблемы реформирования этнополитики получили достойное освещение в современной российской историографии [18]. Однако бурятская национальная автономия никогда не рассматривалась через призму транснациональной истории, хотя, несомненно, она не отделима от истории монгольского мира и борьбы за создание монгольской государственности в начале XX в.

С 70-х гг. XX в. и по настоящее время не прекращается дискуссия российских китаистов о характере и итогах революционных событий периода Синьхайской революции, которая оказала влияние на весь монгольский мир, включая бурятское сообщество: буржуазная революция [19, с. 526], буржуазно-демократическая революция [9, с. 126], переворот [6, с. 480], завершивший династический цикл и, наконец, не завершённый характер Синьхайской революции. Однако, для нас представляется важным тот факт, что Синьхайская революция разрушила империю Цин и стала законным основанием для самоопределения Монголии, которая справедливо считает эти события базовыми для создания современной монгольской государственности.

Современная российская историография предпринимает первые шаги рассмотрения революционного процесса в Западном Забайкалье, Внутренней и Внешней Монголии в рамках всего монгольского мира [14], что как раз и вписывается в транснациональную историю. Этому в полной мере способствовал панмонголизм.

Бурятский национальный комитет —

Бурятская национальная дума (Бурнацком-Бурнардума)

Революционные события 1917 г. в России стали толчком к развитию национального движения бурят. 25 апреля 1917 г. решением I Всебурятского съезда был образован Центральный национальный комитет бурят-монголов Восточной Сибири (Бурнацком) – высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти бурят в 1917–1919 гг. Его задачей была организация выборов в Учредительное собрание и подготовка бурятского населения к введению земского самоуправления. В функции комитета также входило развертывание сети национальных культурно-просветительных учреждений, издательств и органов пропаганды, создание отрядов самообороны. Бурнацком сформировал систему национальных административно-территориальных образований (аймак, хошун, сомон). Тем самым Бурнацком стал органом бурятской национальной автономии, в которую включались земли вокруг Байкала,

заселенные бурятским населением. В ноябре 1918 г. Бурнацком был преобразован в Бурят-Монгольскую народную (Бурнардума), которая осенью 1919 г. была фактически разгромлена из-за несогласия с политикой атамана Семенова. Но созданию и деятельности Бурнацкома-Бурнардумы предшествовала национальное движение бурят в годы первой российской революции 1905–1907 гг. и, главное, Синьхайская революция 1911–1913 гг., которая всколыхнула и революционизировала весь монгольский мир.

Национальное движение бурят в начале XX века

Нами уже рассматривался вопрос, связанный с возникновением национального и аграрного движения автохтонного населения Байкальской Сибири в начале XX в. и формированием общественно-политической мысли, выразителем которой стали политические группировки бурят [15; 16]. При этом ведущей силой этого процесса в России в начале XX в. было революционное движение, которое у бурятского народа приобрело форму национального.

Национальное движение в Бурятии возникло в начале XX в. под воздействием разрушения патриархально-феодальной замкнутости и развивающихся капиталистических отношений, усиления эксплуатации как со стороны русской буржуазии, так и «инородческой» полуфеодальной верхушки, растущего национального самосознания и отсутствия права на самоопределение. Но в начале XX в. национальное движение было направлено против земельно-административной реформы и имело форму аграрного движения.

Революция 1905 г. внесла изменения в жизнь народов Сибири. Она способствовала подъему национального самосознания бурят, что объединило родовую аристократию, буддийское духовенство и бурятскую интеллигенцию. Это привело к возникновению нового этапа в национальном движении — проведению общепурятских съездов в 1905–1906 гг., в ходе проведения которых сформировалось две группы, как будущие «зачатки политических организаций». Первая — «стародумцы», во главе с бывшим тайшой Хоринского ведомства Вамбоцыреновым, стояла за возвращение к национальному самоуправлению по Уставу Сперанского, видя в нем основу «автономности», солидарности и защиту от денационализации. Вторая группа называла себя «партией прогрессивных бурят». Организаторами ее были и.о. профессора Восточного института Г. Цыбиков, депутат II Государственной думы Б. Очиров, врач Б. Ямпиров. Они выступали за национальное самоуправление по типу земства на демократических началах.

Кроме того, появилось «левое» крыло национального движения. Его представителями были «западники» и «крайние народники». Программа «западников» была ассимиляторской и исходила из неизбежности

экономической эволюции, которая упразднит все старые экономические и социальные устои бурятской жизни и вместе с ними все индивидуально-национальные черты бурятского народа. «Крайние народники» представляли собой полную противоположность западникам. Их программа-минимум — это широкое самоуправление, сохранение и развитие существующего аграрного строя, национализация школы, установление общей монгольской письменности. В национально-культурном отношении их идеалом было возрождение на почве европейского просвещения бурятской народности, которая должна была стать авангардом общенационального и общемонгольского объединения [8, с. 115]. То есть речь шла о панмонголизме. Особый интерес бурятские народники проявляли к религии, ибо видели в буддизме не только элемент национальной культуры, но и фактор национального объединения. А Ц. Жамцарано, Б. Барадин и Агван Доржиев видели в буддизме и основы социализма.

Внутренняя Монголия в начале XX века

Империя монголов времен Чингисхана распространила свое влияние на всю Среднюю и Восточную Азию и стала определяющим фактором в жизни всего региона в XIII в., а потомки Чингисхана перенесли влияния империи и на Китай. Но включение Китая в состав Монгольской империи в период династии Юань (1271–1368) не привело к стиранию границ между бывшими китайскими и монгольскими территориями. Это позволило монголам и после падения династии сохранить свою самостоятельность, а территории империи остались независимыми от китайского влияния.

С приходом к власти династии Мин (1368–1644) изменилась внутренняя и внешняя политика Китая, который расширил свое влияния в монгольских княжествах, не входивших в сферу интересов Китая, через усиление торговых отношений [10, с. 257–258; 7, с. 259]. Это способствовало улучшению отношений китайцев с монголами; укрепляло приграничные китайские территории от набегов; формировало позитивную историческую память как у китайцев, так и у монголов [20, с. 167–168]. Умиротворению «северного соседа» способствовало и предоставление Минской администрацией титулов южно-монгольским князьям, разрешением им посещать меновые рынки, а также скупкой лошадей по завышенной цене, а также и распространение буддизма в Южной Монголии. Это положило начало особым политическим отношениям, при которых монголы стали поддерживать китайские династические режимы, которые, тем самым, официально заручились военной и политической поддержкой со стороны южных монголов.

Из-за междоусобных войн в XVI в. произошло объединение восточных ойратских аймаков и Северной Монголии, что образовало Халху (Внешняя Монголия), а затем халхасцы объединили Восточную и Юж-

ную части Монголии. Но ситуация в Китае в 20–40-х гг. XVII в. привела к завоеванию Китая маньчжурами, политика которых и разобщенность князей Южной Монголии привела к тому, что эти княжества были включены в состав Маньчжурского государства. В 1691 г. произошло включение и Халхи в состав Китая. После включения Южной Монголии в состав империи Цин региону была дано название Внутренняя Монголия. Это территория в 25 аймаков от границ Маньчжурии к западу до Аньсичжоу (регион, граничащий с Синьцзяном), от Китайской стены до Гоби и Амура [4, с. 130]. Культурные, экономические и политические связи Внутренней Монголии были прочно включены в структуру административного аппарата Китая, а ее территория имела статус провинции, в то время как Халха находилась в вассальных отношениях с Китаем. Поэтому Халха обладала более широкими политическими свободами, чем Внутренняя Монголия. Весь XIX в. происходило увеличение различий в развитии между Внутренней и Внешней Монголией [21, с. 337].

К началу XX в. Китайская империя имела множество проблем, связанных с нарастающей мощью Японии и потерей части территории после японо-китайской войны. Тогда же цинская администрация провела административно-территориальные изменения во Внутренней Монголии, которые положили начало распаду территориальной целостности региона [1]. Но дальнейшему территориальному реформированию Внутренней Монголии помешала Синьхайская революция.

Но если усиление политической независимости Внешней Монголии, начиная со середины XIX в., было обусловлено вхождением ее в сферу национальных интересов Российской империи, то Внутренняя Монголия к 1905 г., особенно ее восточная часть, стала сферой интересов Японии, которая распространяла свое влияние в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове. И когда Внешняя Монголия под влиянием Синьхайской революции преобразуется в независимую монархию, то Внутренняя Монголия, в соответствии с русско-японским соглашением от 8 июля 1912 г. была поделена на сферы влияния: западная часть отошла Российской империи, восточная — Японии. Действия национально-патриотического движения не были там столь же успешными как во Внешней Монголии. Это обуславливалось наличием ряда причин: 1) Внутренняя Монголия не представляла собой единого целого ни в хозяйственном, ни в политико-административном отношениях [5, с. 26]; 2) на территории Внутренней Монголии продолжали службу китайские военные командиры, которые подавляли любые недовольства и поддерживали ханское население; 3) во Внутренней Монголии в городах торговля заменила кочевой образ жизни и стала основой социальных отношений; 4) южно-монгольские князья были включены в систему коррупционных отношений с цинской администрацией, что позволило Китаю манипулировать политически зависимыми элитами Внутренней Монголии; 5) Внутренняя Монго-

лия «защищала» Халху от китайской колонизации и потому ее общество подверглось меньшей трансформации, чем общество во Внутренней Монголии. Все это сформировало особый тип общественно-политических отношений во Внутренней Монголии, при которых политическое влияние Пекина было сильным, а китайское земледелие стало доминировать над кочевым образом жизни и оказывать на него влияние.

Внешняя Монголия в начале XX века

В начале XX в. Китай усилил колонизацию Внешней Монголии. В Халхе начались административные преобразования для введения прямого китайского правления, общекитайского законодательства и ликвидации самостоятельности монгольских ханов, князей и лам. В Халху вводятся китайские войска, планируется строительство железных дорог, что грозило окончательным поглощением Внешней Монголии Китаем и ассимиляцией монголов. Пытаясь создать национальное государство, монгольские феодалы поднимают народ на сопротивление и обращаются за помощью к России.

15 августа 1911 г. в Петербург прибыла монгольская делегация во главе с одним из лидеров национально-освободительного движения в Халхе Ханда-Доржи. Делегация была принята и.о. управляющего МИД России А.А. Нератовым и премьер-министром А.П. Столыпиным. В послании Николаю II халхасский первосвященник Джебцзун-Дамба-хутухта и князя всех четырех аймаков писали о злоупотреблениях китайских чиновников, которые вмешиваясь в монгольские дела и под предлогом реформ засели Монголию и просили помощи и покровительства русского царя.

Синьхайская буржуазная революция в Китае и свержение власти маньчжурской династии Цин послужили толчком к подъему национально-освободительного движения в Монголии. Очевидец событий, российский монголовед А.В. Бурдуков писал, что «начавшееся поглощение Китаем Монголии и угроза неизбежной ассимиляции разбудили у монголов чувство национального самосохранения» [5, с. 67]. Опираясь на помощь и покровительство России, феодалы Халхи 1 декабря 1911 г. провозгласили в Урге Декларацию о восстановлении независимости Монголии от Китая. 16 декабря главой нового теократического государства — ханом Монголии был избран Богдо-Гэгэн Джебцзун-Дамба-хутухта.

Правительство Китая не признало суверенитет Монголии, но не решилось на отправку войск в Ургу. Более того, и Китай, и новое правительство Монголии обратились к России за посредничеством. В результате длительных переговоров в треугольнике Россия — Монголия — Китай и заключения ряда договоров (русско-монгольское Соглашение 1912 г., русско-китайская Декларация 1913 г., Русско-монгольское Соглашение 1912 г. Русско-китайская Декларация 1913 г., Тройственное Кяхтинское Соглашение 1915 г.) Халха получила широкую автономию, формально

оставаясь в составе Китайской Республики [2; 3; 17]. Гарантом автономии являлась Россия.

Таким образом, поддержка Россией национально-освободительного движения в Монголии стала решающим фактором его победы. Позиция Петербурга была продиктована стремлением воспользоваться ослаблением Китая и создать на границе «буферное» монгольское государство с преобладающим влиянием России. Тем самым, в начале XX в. возникает новая идеология, которая объединила вокруг себя монгольский мир, а в последующем сформировало мировоззрение монгольского народа. И осмыслить эти процессы возможно именно благодаря транснациональной истории.

В последующем транснациональные процессы в монгольском мире наиболее полно проявлялись в панмонголизме.

Панмонголизм

Панмонголизм — социокультурный феномен, стремление к духовному единению монголоязычных народов на основе общности истории, языка, фольклора, культурных традиций. Само понятие появилось в 1900 г. в работе основателя русского символизма В. Соловьева «Повесть об антихристе», где панмонголизму была придана негативная политическая оценка как «угроза европейской цивилизации с Востока». В России этому способствовало поражение в русско-японской войне 1904–1905 гг.

После российской революции 1905–1907 гг. панмонголизм стал восприниматься как стремление к национальному и духовному объединению монголов и получил позитивную оценку в политических кругах России в связи со стремлением империи на Восток, особенно в Тибет. Панмонголизм на этом этапе — это поиск объединяющего начала на основе общности языка. Этот процесс Ц. Жамцарано назвал «культурным панмонголизмом».

Новый этап эволюции панмонголизма связан с победой Синьхайской революции 1911–1913 гг. и возникновением монгольской государственности.

Затем панмонголизм возродился в период социальных потрясений в России 1917–1922 гг. Его эксплуатировали атаман Г.М. Семенов (попытка создания «Великого Монгольского государства»); барон Р.Ф. Унгерн (восприятие ламаизма и теократии Богдо-гэгэна как эталона современной цивилизации); японский генеральный штаб (укрепление собственных позиций в Центральной Азии); лидеры Бурнацкома-Бурнардумы (стремление создания автономии на мононациональной основе); руководство партии большевиков и лидеры Коминтерна (перевод вектора мировой революции на Восток и создание плацдарма коммунизма в Монголии).

Таким образом, бурятская национальная автономия в 1917 г. стала своеобразным, хотя и промежуточным, итогом становления и развития монгольской государственности. А через призму истории монгольского

мира начала XX в. и панмонголизма является характерным примером транснациональной истории. Не случайно этот процесс получил дальнейшее развитие и вылился в Монгольскую революцию 1921 г., оказавшись «на самом острие основного конфликта XX в. — раскола мира на два полюса» [11, с. 54].

Список использованной литературы и источников

1. Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики 1980 / под ред. Б. Ширендыб, М. И. Сладковский. — М.: Наука, 1980. — 158 с.
2. Белов Е. А. Россия и Китай в начале XX века / Е. А. Белов. — М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997. — 314 с.
3. Белов Е. А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.) / Е. А. Белов. — М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. — 234 с.
4. Бичурин Н. Я. Записки о Монголии / Н. Я. Бичурин. — Т. 1. — СПб., 1828.
5. Богословский В. А., Москалев А. А. 1984. Национальный вопрос в Китае (1911–1949) / В. А. Богословский, А. А. Москалев. — М.: Наука, 1984. — 266 с.
6. Бокщанин А. А., Непомнин О. Е., Степугина Т. В. История Китая. Древность, средневековье, новое время / А. А. Бокщанин, О. Е. Непомнин, Т. В. Степугина. — М.: Изд-во Восточная лит., 2010. — 599 с.
7. Границы Китая: история формирования / под ред. В. С. Мясникова, Е. Д. Степанова, А. А. Бокщанина. — М.: Памятники исторической мысли, 2001. — 470 с.
8. Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение / А. А. Елаев. — М.: РАГС при Президенте РФ, 2000. — 352 с.
9. Ефимов Г. В. Революция 1911 г. в Китае / Г. В. Ефимов. — М.: Изд-во МП РСФСР, 1959. — 131 с.
10. История Китая [учебник для студентов вузов, обучающихся по историческим специальностям]. 4-е изд. / под ред. А. В. Меликсетова. — М.: Изд-во «Оникс», 2007. — 736 с.
11. История Монголии. XX век. — М.: Институт востоковедения РАН, 2007. — 448 с.
12. Кисляков А. С. Национальный вопрос в деятельности национальных политических партий и организаций Российской империи (80-е годы XIX в. — февраль 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. С. Кисляков. — М., 2011. — 23 с.
13. Культурно-национальная автономия в истории России. — Т. 1: документальная антология / авт.-сост. И. В. Нам; под ред. Э. И. Черняка. — Томск: Изд-во ТГУ, 1998. — 308 с.
14. Курас Л. В. Монгольский мир в условиях революционного процесса в первой четверти XX в. / Л. В. Курас // Власть. — 2015. — № 8. — С. 190–195.
15. Курас Л. В. Общественно-политическая мысль, национальное и аграрное движение бурят в начале XX века / Л. В. Курас // Власть. — 2011. — № 6. — С. 149–152.
16. Курас Л. В. Подъем национального движения бурят. Политические группировки и съезды бурят 1905–1906 годов / Л. В. Курас // Власть. — 2011. — № 4. — С. 140–143.
17. Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. / С. Г. Лузянин. — М.: Огни, 2003. — 320 с.

18. Национальная политика в России: история и современность / сост. Н. И. Наумова. — М. : Русский мир, 1997. — 680 с.
19. Новая история Китая. — М. : Наука, 1972. — 636 с.
20. Покотиллов Д. Д. История восточных монголов в период династии Мин, 1368–1634 / Д. Д. Покотиллов. — СПб., 1893.
21. Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки / Н. М. Пржевальский. — М. : ОГИЗ, 1948.
22. Протоколы конференции национальных социалистических партий 16–20 апреля 1907 г. — СПб., 1908. — 151 с.

Информация об авторе

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

Author

Leonid V. Kuras — Doctor habil. (History), Professor, Senior Research Associate, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, 6, Sakhyanova str., 670047, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: kuraslv@yandex.ru.

УДК 338.109.87:31(571.5)
ББК 65.9(2рос31)32.03-82

В.П. МОТРЕВИЧ

ВАЛОВАЯ ПРОДУКЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1940–1952 ГОДАХ

Анализируется динамика сельскохозяйственного производства в Восточной Сибири в 1940-е — начале 1950-х гг. Показаны последствия Великой Отечественной войны для состояния отрасли, исследованы результаты восстановления сельского хозяйства в послевоенные годы.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Великая Отечественная война, послевоенные годы, сельское хозяйство, валовая продукция, колхозы, госхозы, колхозники, рабочие и служащие, единоличники.

V.P. MOTREVICH

GROSS PRODUCTION OF AGRICULTURE EASTERN SIBERIA IN THE 1940–1952

We analyze the dynamics of agricultural production in East Siberia in the 1940s — early 1950s Shows the effect of the great Patriotic war for the state of the industry, investigated the results of vosstanovlenia of agriculture in the postwar years.

Keywords: East Siberia, the Great Patriotic war, the post-war years, agriculture, gross production, collective farms, state farms, collective farmers, workers and employees, independent farmers.